

Некоторые аспекты рецепции прозы Саши Филипенко и Виктора Мартиновича в Западной и Центральной Европе

Иван Посохин

В постсоветский период Беларусь, как и другие страны СССР, оказалась на идеологическом и “идентичностном” распутье. В литературе это отражалось в сосуществовании старшего поколения советских классиков (Василь Быков, Максим Танк, Нил Гилевич, Иван Шамякин) и активизацией молодого, авангардистски настроенного поколения авторов, которое пыталось устранить мировоззренческие и эстетические пробелы, возникшие за годы существования советской культурной модели (Ольгерд Бахаревич, Адам Глобус, Северин Квятковский и другие). По словам Алеся Бельского, в первое постсоветское десятилетие проходили «активные поиски, связанные с выработкой новых форм мышления», зарождались образцы модернистской и постмодернистской литературы (Бельскі 2000, 13)¹. Однако если в начале 90-х казалось, что будущее белорусской культуры и литературы будет белорусскоязычным, то с приходом в 1994 г. к власти Лукашенко с его неосоветским политическим курсом началось сворачивание национально-возрожденческого проекта. Белорусский язык как язык повседневности начал маргинализироваться, оставаясь, тем не менее, языком «серьезной» литературы. При этом сегментом

¹ «З гэтае прычыны ідуць актыўныя мастацкія пошукі, звязаныя з выпрацоўкай новых форм мыслення, зараджаюцца ўзоры мадэрнісцкай і постмадэрнісцкай (якая хоча паяднаць традыцыйнае і мадэрнісцкае светаадлюстраванне) літаратуры». *Если не указано имя переводчика, переводы цитат сделаны автором статьи.*

массовой литературы практически полностью овладела русскоязычная проза прежде всего российских, но и белорусских авторов (Ольга Тарасевич, Ольга Громько, Анна Ольховская). Еще в 2000 году Максим Жбанков обобщил несколько характерных черт белорусской культуры рубежа веков, среди которых он назвал возрастающее влияние административно-бюрократического управления культурой, невыразительность, ретроградность и конформизм официальной культуры, которой также свойственна «навязчивая имитация народности», «экспансия» чужой массовой культуры, «партизанский» характер неофициальной культуры (Жбанков 2008, 145-47). В культуре возродились сходные советским, хоть и не всегда в столь радикальном виде, процессы разделения культуры на несколько уровней, ключевой характеристикой которых стало отношение к политическому курсу страны, с чем были связаны и частые притеснения со стороны представителей власти. Рассуждая об отношениях литературы и власти, А. Москвин отмечает, что «Александр Лукашенко последовательно проводил идею разделения творческой интеллигенции на верных, преданных стране и народу, продолжающих «патриотические традиции» классической белорусской литературы, и тех, кто работает против интересов государства»² (Moskwin 2019, 184). Следовательно, одним из стремлений властей был возврат к институционализации в культуре, выстраивании новых иерархий путем создания новых писательских союзов (Союз писателей Беларуси), присуждении президентских премий за достижения в искусстве и т.д. Правда, стоит признать, что институционализация, связанная с провластным дискурсом, имела место и в неофициальной среде, где также существовал свой союз писателей, ПЭН-центр, свои премии (например, премия имени Ежи Гедройца).

Однако в первые постсоветские десятилетия литературная продукция как официального, так и неофициального уровня оставалась за редким исключением продуктом для «внутреннего потребления». В первое десятилетие XXI века редких переводов удостаивались, например, Ольгерд Бахаревич, Артур Клинов, которых переводили на немецкий, отдельные произведения и антологии переводились на западославянские языки, преимущественно польский, на который переводили Владимира Орлова, Алеся Рязанова, Валентина Акудовича и др., и чешский, на котором выходила антология современного белорусского рассказа (2006). Определенный сдвиг во внешнем восприятии Беларуси как культурного пространства наступил после присуждения Нобелевской премии Светлане Алексиевич в 2015 году. Факт присуждения премии именно ей, стоит признать, не был воспринят однозначно в белорусской интеллектуальной среде, поскольку в очередной раз запустил волну дискуссий о том, насколько белорусскими можно считать писателей, пишущих по-рус-

² «Aleksander Łukaszenko konsekwentnie przeprowadzał myśl o podziale twórczej inteligencji na wiernych, oddanych krajowi i narodowi, którzy kontynuują „patriotyczną tradycję” klasycznej literatury białoruskiej, oraz tych, którzy działają wbrew interesom państwa».

ски³. Наконец, пик внимания ко всему связанному с Беларусью пришелся на 2020 и 2021 годы, после волны протестов против сфальсифицированных выборов и насилия со стороны представителей силовых структур, за которыми последовали репрессии в том числе в культурной сфере. За 2021-2022 гг. независимому белорусскому литературному рынку был нанесен очень болезненный удар: были ликвидированы последние альтернативные провластным писательские организации (Союз белорусских писателей, ПЕН-центр) и независимые издательства (*Галіяфы*, *Кнігазбор*, *Янушкевіч*), только часть из которых смогла возобновить работу за границей. Один из популяризаторов белорусской литературы в Словакии и Чехии (а до этого и чешской и словацкой литературы в Беларуси) Сергей Смотриченко так оценил состояние литературного процесса в сегодняшней Беларуси:

В сентябре 2021 года пражский книжный фестиваль *Svět knihy* посетили около 20 белорусских писателей. Только трое из них приехали из Беларуси. Некоторые уже давно находятся за границей [...]. Но большинство из них были писателями, только недавно отправившимися в изгнание, некоторые еще не знали, где и как они будут жить дальше. С тех пор у меня была возможность содействовать участию белорусов в нескольких других литературных мероприятиях, и я с сожалением констатирую, что в Беларуси остается все меньше и меньше людей. Грустная ирония сейчас заключается в том, что пригласить сегодняшних выдающихся белорусских писателей на фестиваль в ЕС – задача логистически простая: большинство из них (например [...]) Светлана Алексиевич, Владимир Некляев, Саша Филипенко, а также Владимир Орлов, Андрей Хаданович, Ольгерд Бахаревич, Юлия Тимофеева, Сабина Брило, Татьяна Недбай...) обосновались в одной из стран Евросоюза, поэтому можно сэкономить на визах и дорогих перелетах. Те, кто находится за границей, посвящают себя публицистике, рассказывают о белорусской травме везде, где только можно: в интервью, статьях, памфлетах, эссе и стихах. Хуже, однако, положение авторов в самой Беларуси. Они практически не могут выражать себя открыто: во-первых, это опасно, а во-вторых, им в принципе негде публиковаться (Smatučenka 2022)⁴.

³ См., например, заметку-рассуждения М. Колесниковой (Калеснікова 2016), обзор реакций на присуждение премии Алексиевич (Савушкіна 2016).

⁴ «V septembri 2021 zavítalo na pražský Svět knihy takmer 20 bieloruských spisovateľiek a spisovateľov. Iba traja z nich dorazili z Bieloruska. Niektorí sa ocitol v cudzine už dávno [...] Ale väčšinu tvorili spisovatelia s čerstvou skúsenosťou z exilu, niektorí ešte ani nemali predstavu, kde a ako budú ďalej žiť. Odvtedy som mal možnosť sprostredkovať bieloruskú účasť na niekoľkých ďalších literárnych akciách a musím s ľútosťou konštatovať, že v Bielorusku zostáva stále menej a menej ľudí. Je to trpký humor, ale pozvať dnes významného bieloruského spisovateľa na festival do EÚ je logisticky jednoduchá úloha: väčšina tých najvýznamnejších (napríklad [...]) Svetlana Alexijevičová, Uladzimir Ňakliajev, Saša Filipenko, ale aj Uladzimir Arlov, Andrej Chadanovič, Alherd Bacharevič, Juli Cimafejeva, Sabina Brilo, Taciana Ňadbaj...) sa usadila v niektorom zo štátov Európskej únie, takže na vízach a drahých letenkách sa dá ušetriť. Kto je za hranicami, venuje sa naplno publicistike, teda hovoria o bieloruskej traume, kde sa dá:

В своей статье Смотриченко упомянул Сашу Филипенко, одного из двух авторов – вторым будет Виктор Мартинович – о рецепции прозы которых пойдет речь дальше. Биография и творчество как Филипенко, так и Мартиновича оказались тесно связаны со сложившимися общественно-политическими процессами последнего десятилетия. В следующих частях статьи я останавливаюсь на различных аспектах переводческой и критической рецепции их произведений в Западной и Центральной Европе и особенностях репрезентации самих авторов в медиальном дискурсе этих регионов (естественно, в том объеме, в котором это позволяет сделать формат статьи). Основным материалом послужат медиатексты (статьи, рецензии и интервью), опубликованные в последние годы в изданиях, занимающих значимое место в своих национальных контекстах.

Саша Филипенко родился в 1984 году в Минске, учился в лицее искусств, а затем поступил в минский Европейский Гуманитарный Университет, который был закрыт в 2004 году по решению белорусских властей и был вынужден продолжить свою работу в Вильнюсе. После закрытия университета Филипенко закончил обучение в России, где и стала складываться его профессиональная карьера, сначала как журналиста и работника телевидения (*Первый канал, Дождь, RTVI*), а затем и писателя. На данный момент у Филипенко вышло шесть романов на русском языке: *Бывший сын* (2014), *Замыслы* (2015), *Травля* (2016), *Красный крест* (2017), *Возвращение в Острог* (2019) и *Кремлятор* (2022), а также ряд прозаических сборников. После белорусских событий 2020 года Филипенко не может вернуться в Беларусь без риска быть арестованным по обвинению в «экстремизме» ([Мелкозеров] 2022), сейчас он живет в Швейцарии. Его романы, довольно строгие и эффективные в своей поэтике, практически всегда наполнены остросоциальным содержанием, попыткой исследовать характер эпохи, в том числе через обращение к прошлому. Сам писатель свою художественную установку определил так: «Литература должна быть лаконичной и документальной, у нее должна быть какая-то задача и ответственность» (Шаматульский 2017). Для его *Бывшего сына*, самого белорусского по содержанию, такой задачей стала художественная интерпретация состояния современного белорусского общества, находящегося в мировоззренческой коме. В его последних романах Филипенко обращается к советской истории, чтобы объяснить постсоветскую современность. В *Красном кресте* такой историзм реализуется документальными средствами, так как основным импульсом для его написания стала найденная в архивах переписка Красного Креста с советскими органами. В целом Филипенко – это пример *промежуточного* типа автора, чьи произведения работают на стыке нескольких социальных и культурных контекстов (белорусского и российского) и активно переводятся и рефлексированы за пределами России и Беларуси начиная с 2018 г. Именно *Бывший сын* и *Красный крест* можно отнести

v rozhovoroch, článkoch, pamfletoch, v esejach a básňach. Horšia je však situácia tvorcov v samotnom Bielorusku. Otvorene sa vyjadrovať môžu len ťažko: jednak je to nebezpečné a jednak už v podstate nemajú kde publikovať».

к его наиболее переводимым произведениям, причем последний переведен уже на 20 языков (Давлетгильдеев 2023), включая английский, итальянский, немецкий, чешский, словацкий или, например, тайский.

Писатель и искусствовед Виктор Мартинович родился в 1977 году в белорусском городе Ошмяны. Помимо писательской работы, он также занимается преподавательской и исследовательской деятельностью. Несмотря на свою общественную позицию, по-прежнему живет в Беларуси. Начало литературной карьеры Мартиновича в 2009 году было отмечено повышенным вниманием со стороны прессы и публики: его дебютный роман-антиутопия *Паранойя* о вызывающем ассоциации с Беларусью тоталитарном обществе был, по некоторым данным, негласно запрещен к продаже в белорусских книжных магазинах. Это, естественно, подстегнуло интерес к писателю, который в краткосрочный период «мягкой белорусизации»⁵ даже смог на какое-то время стать частью официально признаваемого государством литературного истеблишмента (если доказательством можно считать приглашения на государственное телевидение (Katsi Sarah 2015)). Кроме *Паранойи*, авторству Мартиновича принадлежат также романы *Сцюдзёны вырай* (2011), *Сфагнум* (2013), *Мова* (2014), *Озеро радости* (2016), *Ночь* (2018) и последний на данный момент роман *Революция* (2020), который, вопреки своему названию, посвящен не Беларуси, а Москве периода 2000-х годов: его основной темой является темное, деградирующее и дегуманизирующее влияние абсолютной власти. Мартинович – довольно уникальный для современной белорусской литературы пример массово-элитарного писателя (условную параллель можно провести с Виктором Пелевиным), чьи произведения могут читаться на разных уровнях: одновременно как захватывающие боевики, детективы, мистические драмы и как постмодернистские конструкторы, со свойственной им игрой в жанры, цитатностью и отсылками к универсальному и специфически белорусскому культурно-литературному контексту. Также для Мартиновича характерен гибридный подход к написанию и выпуску книг: практически все его романы выходят одновременно в двух языковых версиях – белорусской и русской, причем Мартинович пишет, в зависимости от тематики, только одну из этих версий, а затем отдает текст стороннему переводчику на русский или белорусский. После событий 2020 года и долгих проверок на предмет наличия «экстремизма» в его романе *Революция* Мартинович не имеет возможности публиковать новые книги в Беларуси, в связи с чем говорит о себе, что он «мертв как писатель» (Kümmel 2022). На других языках книги Мартиновича представлены в гораздо меньшем объеме, чем книги Филипенко: на данный момент есть полнотекстовые переводы *Паранойи* на английский (2013), немецкий (2015) и финский (2013), на немецкий были также переведены *Мова* (2016), *Революция* (2021) и *Ночь* (2023)⁶.

⁵ См. также Posokhin 2019.

⁶ За исключением *Ночи*, все романы Мартиновича переводил на немецкий один и тот же переводчик – Томас Вайлер (Thomas Weiler).

Таким образом, в количественном измерении позиции обоих авторов на рынке переводной литературы Западной и Центральной Европы очень разные: несмотря на то, что произведения Мартиновича начали переводиться раньше, чем произведения Филипенко, их присутствие в разных культурных контекстах ограничено и остается, скорее, нишевым явлением для знатоков и интересующихся постсоветским пространством. В то же время романы Филипенко находят свое место на витринах крупных книжных магазинов, рецензии на них выходят в престижных периодических изданиях местного и международного масштаба, которые также публикуют его колонки и интервью с ним. Следовательно, и корпус литературно-критических текстов, посвященных произведениям писателей, также очень отличается в количественном отношении. Тем не менее, если отставить в сторону масштаб нобелевского лауреата Светланы Алексиевич, оба писателя (наряду с поэтессой Вальжиной Морт) являются наиболее заметными культурными репрезентантами современной Беларуси в европейском контексте⁷.

1. Авторы и их репрезентация

В рецепции Филипенко в других культурных контекстах большую роль играет упомянутая ранее *промежуточность* автора: с одной стороны, он выступает как представитель белорусской культуры в эмиграции, идейно противопоставленной режиму Лукашенко, с другой стороны – его русскоязычная проза, погруженность в советскую историю расширяет его образ в восприятии иностранного адресата, стереотипно приближая его к российскому дискурсу и одновременно отдаляя его от собственно белорусского литературного процесса (как в его официальной, так и оппозиционной ипостаси). В этой связи было бы уместно вспомнить про Братиславскую книжную ярмарку 2022 года (BRaK), в рамках которой организаторы поставили дискуссию с Сашей Филипенко в одно и то же время с дискуссией с Владимиром Орловым (писателем, популяризатором белорусскоцентричного взгляда на историю Великого Княжества Литовского, сторонником моноязычности белорусской литературы), заставив потенциального посетителя выбирать один из этих двух дискурсов. В этом прослеживается и рецептивный аспект в том смысле, что внутренние перипетии белорусской литературной жизни, ее разделение на “своих” и “чужих” не являются известным вовне фактом. Одновременно это служит и своего рода подтверждением восприятия Филипенко как не совсем “национального” автора. В этом отношении место Виктора Мартиновича, который, наоборот, к месту в белорусском национальном литературном процессе сознательно стремился, кажется более определенным (причем

⁷ Есть, конечно, и локальные исключения: например, в Чехии довольно известен эмигрантский писатель из Беларуси Макс Шчур (Макс Шчур, Max Ščur), который пишет произведения как на белорусском, так и на чешском, а также занимается переводами.

зачастую ему приходилось бороться за право быть признанным частью этого процесса (Мартинович 2017)).

В большинстве своем тексты, связанные с Филипенко и Мартиновичем, на первый план выдвигают социально-политический контекст, в особенности в статьях, интервью и рецензиях в период после 2020 года. Здесь особое внимание стоит обратить на номинационные стратегии⁸ в адрес писателей, а также на те элементы тематики произведений, на которые делается особый акцент. Говоря о номинациях в адрес Филипенко, в его представлении европейским читателям зачастую доминирует его политическая позиция: «Диссидент Саша Филипенко» (Oláh 2022), «открытый противник Лукашенко» (Nederlands letterenfonds – Dutch foundation for literature 2021) или «Враг тирана» (Nienhuysen 2021)⁹. Последняя номинация была вынесена в заголовок статьи с элементами интервью с Филипенко для литературной рубрики *Süddeutsche Zeitung*, где собственно литературное творчество было затронуто лишь условно, в то время как основное содержание было посвящено политической ситуации в стране и потенциальным угрозам для самого автора: «У себя на родине, в Беларуси, он, скорее всего, был бы арестован, по оценкам Филипенко, на 20 лет. По его словам, его обвиняют в реабилитации фашизма и попытке переворота» (Nienhuysen 2021)¹⁰. В случае с Мартиновичем, который не получает таких прямолинейных номинаций, политический компонент выходит на первый план в связи с запретами и ограничениями на дистрибуцию его книг, как, например, в случае интервью также для *Süddeutsche Zeitung*, где в качестве первой информации читателям представляется описание репрессивной ситуации в Беларуси, повлиявшей на выход *Революции*: «Название книги белорусского автора Виктора Мартиновича звучит как пророчество: “Революция”. Теперь его издатель арестован, а 600 экземпляров книги конфискованы» (Polistina 2021)¹¹. Заголовок интервью Мартиновича для британского издания *Calvert (New East Digital Archive)* также несет в себе тематизацию опыта писательства в репрессивном государстве: «“Я спал со своей аварийной сумкой рядом с кроватью”. Белорусский писатель Виктор Мартинович о своих запрещенных политических триллерах» (Milne 2021). Те же стратегии можно проследить и в интервью для *Die Zeit* (Kümmel 2022), которое в самом начале коснулось *Революции*, но лишь как

⁸ Номинационные стратегии здесь интерпретируются в том числе с точки зрения дискурс-анализа (см. например, Leeuwen 2008, 40-1).

⁹ «Disident Saša Filipenko; een uitgesproken tegenstander van Loekasjenko; Der Feind des Tyrannen».

¹⁰ «In seiner Heimat Belarus würde er vermutlich verhaftet, Filipenko tippt auf 20 Jahre. Rehabilitierung des Faschismus werfe man ihm vor, sagt er, auch Versuch eines Umsturzes».

¹¹ «Der Buchtitel des belarussischen Schriftstellers Viktor Martinowitsch klingt wie eine Prophezeiung: “Revolution”. Nun wurde sein Verleger festgenommen, 600 Exemplare des Buches beschlagnahmt. Ein Gespräch über Widerstand und dunkle Vorahnungen».

повода обсудить природу российской власти¹² и продолжающуюся агрессию России против Украины. Интересно, что когда в этом интервью зашла речь о Достоевском, частица которого, по мнению Мартиновича, живет в каждом русском школьнике, интервьюер задал писателю вопрос, призывает ли тот к «отмене» Достоевского. Тем самым и мнение белорусских писателей оказывается включенным в один из ключевых нарративов, появившихся с началом российской агрессии против Украины в феврале 2022 года – необходимость или, наоборот, избыточность «отмены» русской культуры¹³.

При оценке уровня политизации репрезентации обоих писателей нужно, конечно, учитывать и степень участия и готовность самих авторов к такому способу (само)репрезентации. Здесь у обоих писателей отличаются декларируемые ими позиции. Филипенко считает своим долгом продвижение белорусской повестки на международном уровне, поддержание уровня информированности принимающих обществ об актуальной ситуации, открыто критикует белорусские власти. В одном из интервью для эмигрировавшего из России телеканала *Дождь*, Филипенко так охарактеризовал свою позицию:

Сейчас мне посчастливилось, у меня есть голос в европейской прессе, я могу писать в *Le Monde*, *Figaro*, где угодно. В любой газете Европы я могу написать колонку и она выйдет, и моя миссия в том, чтобы продолжать рассказывать, что Беларусь никуда не исчезла, Беларусь не пропала, ничего не решено, Беларусь нельзя сдавать (Давлетгильдеев 2023).

Исходя из этой позиции, в августе 2020 года он, например, опубликовал в *Le Monde* колонку (одну из многих) под названием *Nous vivons dans un pays dont des terroristes se sont emparés* (Мы живем в стране, которую захватили террористы) (Filipenko 2020).

В случае Мартиновича создается впечатление, что в этом отношении он занимает более осторожную позицию¹⁴, поскольку, как говорилось выше, он до сих пор находится в Беларуси, что в том числе используется для придания его образу оттенка жертвенности (см., например, Роррек 2023). Примечательный момент можно было наблюдать во время проходившей в Цюрихе дискуссии в связи с выходом немецкого перевода *Революции*. Во время беседы Мартинович высказывался о том, что ему не интересна политика, стараясь уходить от прямых комментариев о ситуации в сегодняшней Беларуси, утверждая, что он не хочет «торговать болью своей страны». Несмотря на это интервьюер его к этой теме вывел со словами, которые представляются своего рода квинтэссенцией подхода к презентации социальных и культур-

¹² В этом вопрос также прослеживается определенная тенденция: и Мартинович, и Филипенко зачастую оказываются в позиции политических комментаторов, которым адресуют вопросы о причинах нападения России на Украину, о возможном исходе войны, о способах мышления Путина и Лукашенко и т.п. (см. также Uthoff 2023).

¹³ Подробнее см. Posokhin 2023.

¹⁴ Хотя в августе 2020 года у него вышло несколько колонок о послевыборной ситуации таких изданий, как *Zeit* (например, Martinowitsch 2020).

ных акторов из Беларуси: «Вы не интересуетесь политикой, а мы – интересуемся» (Literaturhaus Zürich 2021).

2. Рецепция литературного творчества

Говорить о сколь-либо активной научной литературоведческой рецепции произведений Филипенко и Мартиновича на данный момент не приходится, поэтому основной корпус составляют рецензии на романы в медиа, презентации переводов и интервью с писателями. Выше уже шла речь о преобладании социально-политических аспектов в этих типах текстов, ниже я постараюсь обозначить некоторые примечательные моменты в критической рецепции некоторых произведений обоих писателей.

Если говорить о тематическом уровне произведений, то здесь прослеживается интересная географическая закономерность возрастания дистанцированности и экзотизирующего представления опыта писателей и содержания их книг в зависимости от степени удаленности от самой Беларуси. В относительно близкой Словакии одним из лейтмотивов рецензий на переводы Филипенко становятся параллели между этой страной и Беларусью. Так, в рецензии на *Бывшего сына* для портала *Medzi knihami* отмечается присущий обоим контекстам глубинный кризис коллективной идентичности, ведущий к разделению общества, с той разницей, что в Беларуси ситуация усугубляется «эксплицитной формой диктаторского режима и ее инструментами власти» (Маџог 2022а)¹⁵.

Для более удаленных контекстов белорусская литература представляет собой фактически *чужую*, экзотическую литературу, поэтому даже в издательской практике эти книги нуждаются в дополнительном *объяснении* потенциальному читателю. В случае с Филипенко примечательным является итальянский перевод *Бывшего сына* (Ex figlio, 2022), на обложке которого находится карта Беларуси, связанная черными нитями. Такая обложка символически доделывает работу самого автора, который не называет место действия прямо. Такую же дополнительную работу проделывает и переводчица романа на итальянский, что отмечается в одной из рецензий на книгу (справедливости ради надо отметить, что большое количество примечаний переводчика содержится и в словацком переводе книги):

Это горькое завершение романа, в котором часто используется ирония (хотя и едкая). И где автор никогда напрямую не упоминает ни Минск и Беларусь, ни русских, которые просто называются «старшими братьями». Вместо этого роман наполнен цитатами, отсылками и аллюзиями. Непонятными для читателя, не знакомого с этой культурой и историей, если бы Клаудия Дзонгетти, эксперт-переводчик с русского языка, на котором пишет Филипенко, не дала подробное примечание к переводу. Настоящий и буквальный подтекст, из ко-

¹⁵ «explicitnou formou diktátorského režimu a s jej nástrojmi moci».

тогого мы узнаем, например, что Франциск Лукич – это имя первопечатника, жившего в XV–XVI веках и считающегося отцом белорусского языка и литературы. Многие примечания содержат информацию о событиях в истории страны, особенно в решающие годы Второй мировой войны. Здесь даже нашлось место и для фрагментов восточноевропейской рок- и панк-музыкальной сцены (Santamaria 2022)¹⁶.

При этом автор одной из словацких рецензий на *Бывшего сына*, позитивно характеризующий «драйв», динамичный стиль Филипенко и его работу с языком, считает, что в романе сама писательская интенция слишком сосредоточена на объяснении ситуации, в которой оказывается протагонист романа Франциск, впавший в кому в результате травм, полученных во время давки в подземном переходе:

Мотив коматозного сна силен, и Филипенко блестяще обыгрывает его на характере Франциска и на ансамбле связанных с ним фигур. [...] Однако когда автор старается разъяснить даже последнему читателю, что он имеет в виду спящую Беларусь, когда рассказывает историю подростка, это выглядит как излишнее литературное усердие. Между тем, кафкианского колосса политической бюрократии, воплощенного в неподвижном теле, было бы вполне достаточно для читательского опыта. Намеренно объясняя, автор лишает себя суверенности и несколько недооценивает читателя. Он как будто хочет быть уверен, что крик о помощи и выражение отчаяния должны быть понятны абсолютно всем (Gařaj 2022)¹⁷.

Однако, видимо, благодаря такому сознательному стремлению объяснить белорусскую реальность, именно *Бывший сын* оказался, пожалуй, единственным достаточно “эффективным” литературным текстом, который восполнил бы пробелы в восприятии современной Беларуси в Центральной и Западной Европе. Печальная ирония заключается в том, что роман, вышедший в 2014 году, пережил второе рождение в переводе именно после событий 2020 года, когда оказалось, что его содержание по-прежнему актуально.

¹⁶ «È la conclusione amara di un romanzo che fa spesso uso dell'ironia (sia pure caustica). E dove l'autore non cita mai direttamente né Minsk e la Bielorussia, né i russi, chiamati semplicemente i «fratelloni». È invece intessuto di citazioni, rimandi e allusioni. Incomprensibili per un lettore non avvezzo a quella cultura e a quella storia, se Claudia Zonghetti, esperta traduttrice dal russo, lingua in cui Filipenko scrive, non fornisse una dettagliata nota di traduzione. Un vero e proprio sottotesto da cui apprendiamo, ad esempio, che Francysk Lukic è il nome di un protostampatore vissuto tra XV e XVI secolo, considerato il padre della lingua e della letteratura bielorusca. Molte note, poi, ragguagliano sulle vicende della storia del Paese, soprattutto nei cruciali anni della Seconda guerra mondiale. Infine c'è posto anche per uno spaccato della scena musicale rock e punk dell'Est Europa».

¹⁷ «Ako literárna nadpráca však pôsobí, keď autor aj poslednému čitateľovi musí objasniť, že pri príbehu o tinedžerovi má na mysli spiace Bielorusko. Kafkovský kolos politickej byrokracie stelesnený v bezvládom tele by pritom na čitateľský zážitok určite stačil. Cieľovým vysvetľovaním si autor sám uberá na suverénnosti a trochu podceňuje čitateľa. Akoby si chcel byť istý, že volanie o pomoc a prejav zúfalstva musí pochopiť úplne každý».

В оценках литературных качеств и разборе мотиваций героев можно также увидеть несколько повторяющихся элементов. В случае Филипенко это акцентирование лаконичности, краткости и журналистского характера письма, обычно без проведения межлитературных параллелей, но с частым использованием рекомендаций от Светланы Алексиевич, цитата которой используется для своего рода легитимизации Филипенко как писателя: «Если вы хотите узнать, что думает современная молодая Россия, читайте Сашу Филипенко» (Loessl 2022)¹⁸. В случае с Мартиновичем, в частности с его романом *Революция*, можно заметить, что рецензенты часто для сравнения обращаются к устоявшимся и известным ориентирам, среди которых Достоевский и Булгаков, что объяснимо тематикой произведения, описанием отношений человека и власти (Literaturhaus Zürich 202). Говоря о *Революции*, рецензенты и посетители встреч с участием автора обращают внимание и на дисбаланс гендерных ролей в образной структуре романа (что отражает и значение этих вопросов для общественного дискурса принимающих контекстов):

Мартинович уделяет время подробным описаниям, остроумным замечаниям и небольшим отступлениям, его персонажи умело преувеличены, а сцены полны ситуационного комизма. Тот факт, что женские персонажи либо воплощают наивную невинность, либо служат сексуальными объектами, раздражает, но это соответствует мужскому миру, который описывается в романе (Schneider 2021)¹⁹.

К пока еще не очень большому корпусу текстов научного толка можно добавить интервью с Мартиновичем, которое провел Мануэль Гилардуччи для итальянского журнала *eSamizdat* (Ghilarducci 2021, 201-10). В этом интервью в гораздо меньшей степени затрагивались вопросы политики и больше внимания уделялось специфике языковой ситуации белорусской литературы, вопросам идентичности и характерной для Беларуси ситуации пограничья, писательским стратегиям самого Мартиновича, рассуждалось о женском факторе в белорусских протестах, а также о том, готова ли белорусская проза проработать травму 2020 года (по мнению Мартиновича – еще нет).

Наконец, особой формой рецепции произведений Мартиновича стала театральная постановка по сюжету *Революции*, которая состоялась в мае 2023 года в мюнхенском Volkstheater. Автором постановки стал Филипп Арнольд. При сохранении основного сюжета и идейной составляющей, режиссер-постановщик прибег к некоторым модификациям в образной структуре романа, по-новому обыграв любовную линию в романе. Рецензентка высоко оценила

¹⁸ «Wenn Sie wissen wollen, was das moderne, junge Russland denkt, lesen Sie Sasha Filipenko».

¹⁹ «Martinowitsch nimmt sich Zeit für Detailbeschreibungen, zugespitzte Kommentare und kleine Exkurse, die Figuren sind gekonnt überzeichnet und die Szenen stecken voller Situationskomik. Dass die Frauenfiguren entweder naive Unschuld verkörpern oder als sexuelle Objekte dienen, nervt, aber es passt zu der Männerwelt, die der Roman beschreibt».

работу актерского состава и технические решения постановки, однако выразила мнение, что постановка не была полностью удачной:

Режиссер Арнольд явно решил оставить на уровне абстракции игру идей Мартиновича о соблазнительности и манипулятивной силе власти, которую автор написал как остроумную, язвительную исповедь жизни своего главного героя. Он опирается на притчу, а не на ссылки на современную реальность. Но насколько притча уместна во времена, когда мир взрывается? Наверное, уместна только такая притча, которая глубоко и горько проникает в бездну. Но это в этот вечер не удалось – несмотря на множество прекрасных постановочных идей (Роррек 2023)²⁰.

В заключение можно сделать такой, несколько неутешительный для белорусской национальной литературы, вывод о рецепции прозы Саши Филипченко и Виктора Мартиновича. Выше упоминалось, что самыми переводимыми романами Филипченко являются *Красный крест* и *Бывший сын*, а среди произведений Мартиновича наибольший резонанс в последнее время вызвала его *Революция*. Если сравнить тематику этих произведений, то самым белорусским, бесспорно, окажется *Бывший сын*, который, однако, рассказывает о Беларуси максимально понятными художественными средствами, а экзотичность остается на уровне, для объяснения которого достаточно примечаний переводчика. Два других произведения по своей тематике связаны с советской историей и реалиями постсоветской России, т.е. темами, которые ближе и понятнее читателям в Западной и Центральной Европе. То есть фактически в случае этих двух писателей в той или иной мере сохраняется восприятие белорусской культуры и литературы как части российского/постсоветского контекста. Думается, что именно к этому контексту отнесли, например, Филипченко в словацкой рецензии на его *Красный крест*, роман, скорее, о постсоветской идентичности, нежели о Беларуси как таковой: «В этой книге Саша Филипченко также рассказывает о состоянии *своей родины* [курсив мой, И.П.], о людях, которые ее формируют, и об истории, которая не перестает быть частью их идентичности, даже если она перестает быть частью их саморефлексии» (Магор 2022b)²¹. Вероятно, сложность понимания и определения самой идеи родины для писателей из Беларуси, их отношения к ней, к ее действиям, а также ее образ в других культурах будут еще долгое время преопределять восприятие творчества этих писателей в мире.

²⁰ «Regisseur Arnold hat sich klar dafür entschieden, Martinowitschs Gedankenspiel um die Verführungskraft und Manipulationsfähigkeit von Macht, die der Autor als witzige, geistreiche Lebensbeichte seines Protagonisten aufgeschrieben hat, im Abstrakten zu belassen. Er setzt auf die Parabel, nicht auf den Bezug zur gegenwärtigen Realität. Doch wie viel Parabel ist zumutbar in einer Zeit, in der die Welt im- und explodiert? Wohl nur eine, die sich tief und bitter in die Abgründe bohrt. Und das gelingt - trotz vieler schöner inszenatorischer Einfälle – an diesem Abend nicht».

²¹ «Aj v tejto knihe Saša Filipenko podáva správu o stave svojej domoviny, o ľuďoch, ktorí ju formujú, a o histórii, ktorá nikdy neprestane byť súčasťou ich identity, aj keď prestane byť súčasťou ich sebareflexie».

Данная статья связана с реализацией проекта VEGA 1/0586/21 (V-21-030-00) Русская проза XXI века в ее экзистенциальном, тематическом и поэтологическом аспектах в русской и словацкой культурах.

Цитируемая литература

- Antologie běloruských povídek*. 2006. Brno: Větrné mlýny.
- Filipenko, Saša. 2022. *Ex figlio*. Trad. di Claudia Zonghetti. Roma: edizioni e/o.
- Filipenko, Sasha. 2020. “Biélorussie: «Nous vivons dans un pays dont des terroristes se sont emparés».” *Le Monde* 19.01.2020, https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/09/19/bielorusie-la-revolution-qui-se-deroule-en-ce-moment-est-avant-tout-une-revolution-de-la-fierte_6052820_3232.html
- Garaj, Patrik. 2022. “Nedajte sa opäť vtiahnuť do kómy, radi bieloruský spisovateľ Saša Filipenko.” *Denník N* 13.05.2022, <https://dennikn.sk/2847808/nedajte-sa-opat-vtiahnut-do-komy-radi-bielorusky-spisovatel-sasa-filipenko/>
- Katsi Sarah. 2015. “Журналист и писатель Виктор Мартинович. Интервью для ОНТ.” Видео на YouTube, 7:00. Размещено в канале «Katsi Sarah», 30.01.2015. <https://www.youtube.com/watch?v=2ulKNDbKZxw&t=265s>
- Kümmel, Peter. 2022. “Viktor Martinowitsch: ‘Wer gut ist, wird vernichtet.’” *Zeit Online* 25.06.2022, <https://www.zeit.de/2022/26/viktor-martinowitsch-schriftsteller-belarus-russland>
- Leeuwen, Theo van. 2008. *Discourse and Practice New Tools for Critical Discourse Analysis*. Oxford: Oxford UP.
- Literaturhaus Zürich. 2021. Дата доступа 20.05.2022. <https://www.youtube.com/watch?v=n8rVendkV2s>
- Loessl, Ulrich von. 2022. “So denkt das moderne, junge Russland.” *News* 05.03.2022, <https://www.news.at/a/filipenko-interview-12451027>
- Mačor, Denis. 2022a. “Byvalý syn.” *Medzi knihami* 05.05.2022, <https://medzikniami.sk/clanky/byvaly-syn/>
- Mačor, Denis. 2022b. “Červené kríže.” *Medzi knihami* 16.01.2023, <https://medzikniami.sk/clanky/cervene-krize/>
- Martinowitsch, Viktor. 2020. «Страшно бояться дальше». *Zeit* 20.08.2020, <https://www.zeit.de/kultur/literatur/2020-08/belarus-krise-proteste-praesidentschaftswahl-alexander-lukaschenko-russian>
- Milne, Sandy. 2021. “‘I slept with my emergency bag near my bed.’ Belarusian author Victor Martinovich on his banned political thrillers.” *New East Digital Archive* 29.01.2021, <https://www.new-east-archive.org/articles/show/12907/belarusian-author-victor-martinovich-banned-political-thrillers>
- Moskwin, Andriej, 2019. *Literatury białoruskiej rodowody niepokorne*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku.
- Nederlands letterenfonds – Dutch foundation for literature 2021. Дата доступа 29.05.2023. <https://www.letterenfonds.nl/nl/entry/3115/sasja-filipenko-als-wir-in-amsterdam>
- Nienhuysen, Frank. 2021. “Der Feind des Tyrannen.” *Süddeutsche Zeitung* 12.11.2021, <https://www.sueddeutsche.de/leben/sasha-filipenko-belarus-lukaschenko-exil-1.5461950?reduced=true>
- Oláh, Michal. 2022. “Disident Saša Filipenko: Putin sa nevie vyrovnat s vlastnou smrteľnosťou.” *Týždeň* 29.05.2022, <https://www.tyzden.sk/rozhovory/85182/disident-sasa-filipenko-putin-sa-nevie-vyrovnat-s-vlastnou-smrteľnosťou/>

- Polistina, Francesca. 2021. "Die Situation wird immer schlimmer." *Süddeutsche Zeitung* 14.01.2015, <https://www.sueddeutsche.de/kultur/viktor-martinowitsch-revolution-belarus-interview-literatur-1.5174201?reduced=true>
- Poppek, Yvonne. 2023. "Ein Abend, der das Fürchten leert." *Süddeutsche Zeitung* 24.03.2023, «<https://www.sueddeutsche.de/muenchen/muenchnr-volkstheater-viktor-martinowitsch-revolution-philipp-arnold-kritik-1.5775059>
- Posokhin, Ivan. 2019. "Soft Belarusization: (Re)building of Identity or 'Border Reinforcement'?" *Colloquia Humanistica* 8: 57-78. <https://doi.org/10.11649/ch.2019.005>
- Posokhin, Ivan. 2023. "Transformations in the perception of Russian literature after February 24, 2022." *World Literature Studies* 15-1: 69-87. <https://doi.org/10.31577/WLS.2023.15.1.6>
- Santamaria, Gianni. 2022. "Letteratura. Filipenko e le generazioni perdute della Bielorussia." *Avvenire.it* 24.08.2022, <https://www.avvenire.it/agora/pagine/fiipenko-e-la-bielorussia-che-si-risveglia-dal-coma>
- Schneider, Norma. 2021. "Luxus ohne Skrupe." *Taz* 28.01.2021, <https://taz.de/Roman-ueber-Moskauer-Alltag!/5744626/>
- Smatryčenka, Sjarhej. 2022. "Bieloruskí spisovatelja: exil, šuplík, väzenie." *Knižná revue* 6, <https://www.litcentrum.sk/clanok/bieloruski-spisovatelja-exil-suplik-vazenie>
- Uthoff, Jens. 2023. "Die Belarussen sind nicht schuld!" *Taz* 05.04.2023, <https://taz.de/Autor-Viktor-Martinowitsch-ueber-sein-Land!/5922964/>
- Бельскі, Алесь. 2000. *Сучасная літаратура Беларусі: Дапаможнік для настаўніка*. Мінск: Аверсэв.
- Давлетгильдеев, Ренат. 2023. "Саша Филипенко: Мы все в России и Беларуси должны сейчас овладевать искусством саботажа." *Полигон* 25.01.2023, <https://polygonmedia.io/sasha-filipenko/>
- Жбанков, Максим. 2008. "Белорусская культура: время ноль." В кн. *Белорусский формат: невидимая реальность. Сб. научных трудов*, 2008, ред. А.Р. Усманова, 141-65. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет.
- Калеснікава, Маша. 2016. "Чаму беларусы лаюць Алексіевіч і абараняюць Алексіевіч?" *Euroradio FM* 23.06.2016, <https://euroradio.fm/chamu-belarusy-layac-aleksievich-i-abaranyauc-aleksievich>
- Мартинович, Виктор. 2017. "Премия Гедройца – пролет победителей." *Наша Ніва* 08.11.2017, <https://nashaniva.com/?c=ar&i=200197&lang=ru>
- [Мелкозеров, Никита]. 2022. "Филипенко – оккупация Беларуси, Путин и русофобия, война в Украине, тексты для Зеленского и Собчак." Размещено в канале «Жизнь-малина?», *YouTube*, 05.03.2022, <https://www.youtube.com/watch?v=dDQTZf9a7js>
- Савушкіна, Марыя. 2016. "Пісьменніца, якая хоча жыць дома." Даследаванне рэакцыі СМІ на 'тэму Алексіевіч'" *Беларуская асацыяцыя журналістаў* 15.03.2016, <https://baj.by/be/analytics/pismennica-yakaya-hocha-zhyc-doma-dasledavanne-reakcyi-smi-na-temu-aleksievich>
- Шаматувський, Сергей. 2017. "Кайся, это больно: интервью с Сашей Филипенко." *34mag* 05.07.2017, <https://34mag.net/ru/post/kajjsya-ehto-bolno>